

вания данная культурная группа причисляется к жемайтам [2, с. 85; 10, р. 36].

Таким образом, древнейший центр культуры первых веков н. э. находился между средним течением р. Нямунас на юге и низовьями рек Швянтойи и Дубиса. По-видимому, ее надо считать пражемайтской. Именно отсюда грунтовые могильники с захоронениями по обряду труположения распространялись в северном и западном направлениях до р. Юра на западе. Но в период переселения народов восточная их часть попала под сильное влияние населения, представленного в восточнолитовских курганах, этническая принадлежность которых не вызывает сомнений: это древние литовские племена, постепенно включившие в себя население центральной Литвы и ставшие ядром будущей литовской народности [9, с. 41]. Западная часть пражемайтского населения осталась самостоятельной со своеобразной материальной и духовной культурой. Именно здесь сформировался центр позднейших жемайтов, известных в письменных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мугуревич Э. С., Таутавичюс А. Э. Состояние и задачи археологического изучения этногенеза балтских народов. — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
2. Таутавичюс А. Э. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н. э. — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
3. Česnyš G. Lietuvos II–V a. plokštinių kapinynų žmonės (antropologinė apybraiža). — In: LA. V.: Mokslas, 1981, t. 2.
4. LAA. — V.: Mokslas, 1978, t. 4.
5. Чеснис Г. А. Антропологическая карта Литвы I половины I тысячелетия н. э. в связи с этногенезом некоторых балтских племен. — В кн.: ПЭБ. Вильнюс, 1981.
6. Моора Х. А. Возникновение классового общества в Прибалтике. — СА, 1953, № XVII.
7. Очерки по археологии Белоруссии. — Минск: Наука и техника, 1970, ч. 1.
8. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. — М.: Наука, 1982.
9. Волкайте-Куликаускаене Р. К. Образование литовской народности (по данным археологии). — СЭ, 1979, № 3.
10. Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX–XII amžiais. — V.: Mintis, 1970.
11. Vaitkunskienė L. Žirgų aukos Lietuvoje. — In: LA. V.: Mokslas, 1981, t. 2.

ZUR FRAGE DER ETHNISCHEN ZUGEHÖRIGKEIT DER FLÄCHGRÄBERFELDER ZENTRAL- UND WESTLITAUENS IM 1.–8. JH. U. Z.

R. Volkaitė-Kulikauskienė

Zusammenfassung

Aufgrund der archäologischen Daten (Typen der Grabdenkmäler, Elemente der materiellen und geistigen Kultur) wird die Schlussfolgerung gezogen, dass das ursprüngliche Zentrum der Ansiedlung der Urshemaiten (1.–4. Jh. u. Z.) sich im Gebiet der Flachgräberfelder mit Skelettgräbern zwischen den Flussunterläufen der Neris und der Dubysa befand (Karte Nr. 1). In der Mitteleisenzeit (5.–8. Jh. u. Z.) breitete sich ein Teil dieser Bevölkerung nach Norden aus. Damals lag das Zentrum der genannten Kultur schon

bedeutend weiter: es befand sich zwischen den Mittelläufen der Flüsse Šventoji und Dubysa. Der östliche Teil dieser Kultur floss allmählich in die Kultur der ostlitauischen Grabhügel mit Brandbestattungen ein, was sich besonders in der Verbreitung des Leichenbrandrituals ausserte. Ein anderer Teil der Bevölkerung mit genannter Kultur bewegte sich in nordwestlicher Richtung bis zum Fluss Jūra. In der Späteisenzeit (9.–12. Jh. u. Z.) tritt das Gebiet der Flachgräberfelder mit Skelettgräbern zwischen den Flüssen Dubysa und Jūra deutlich hervor. Die Bevölkerung dieses Gebietes, die die Eigenart ihrer materiellen und geistigen Kultur bewahrt hatte, bildete das Zentrum der Shemaiten, die aus den späteren schriftlichen Quellen bekannt sind.

К ВОПРОСУ ЭТНОГЕНЕЗА ЛАТГАЛОВ

Э. Шноре (Рига)

История формирования известного по письменным источникам XII в. племени латгалов сложна и связана с историей племени селов. Археологически их памятники, как и близко родственного племени селов, первой половины I тысячелетия н. э. представлены курганами с каменным венцом у основания и труположениями.

Первые раскопки курганов раннего железного века (II–IV вв. н. э.) были начаты уже в конце XIX в. [1, S. 25–26; 2, с. 92–116]. К 1930 г. число систематически исследованных памятников возросло, прослежены характерные черты погребального обряда. Уже к этому времени на территории распространения курганов с каменным венцом у основания выявлены две группы памятников, близких по погребальному обряду и материальной культуре: западная — в юго-восточной Курземе и Земгале и восточная — по берегам Даугавы в восточной Видземе, Латгале и Аугшземе [3, S. 43–48]. Сходство внешнего вида и изделий материальной культуры памятников восточной группы привело к тому, что в 30-х гг. в археологической литературе она стала фигурировать под общим названием „погребальные памятники латгалов” [4, lpp. 24–31].

Против этого положения выступил археолог Ф. Якобсон. Основываясь на имеющихся в то время материалах и под влиянием высказываний видного литовского языковеда К. Буги, он пытался обосновать появление латгалов на территории Латвии только в VII–VIII вв. [5, lpp. 2–10]. Свои выводы он подкрепил появлением среди сопровождающих погребения вещей новых, ранее неизвестных форм изделий, не являющихся дальнейшим развитием форм раннего железного века и связанных с хорошо известными формами изделий из могильников латгалов VII–VIII вв. Позже к нему присоединился Э. Штурмс [6].

Х. Моора возразил [7, S. 667–668], указывая, что некоторые формы изделий все же связывают культурные явления раннего железного века со средним. Он охарактеризовал весь восточный массив курганов в совокупности, не разграничивая памятников селов и латгалов. Позже в работах советского периода культура курганных могильников восточной Латвии раннего железного века была им обозначена как латгало-селонские памятники [8, с. 6–22].

На существовавших в 30-е гг. картах распространения археологиче-

ских памятников селам отводилось только левобережье Даугавы, а латгалам — правобережье, на что указывали также К. Буга на основании лингвистических [9, р. 274] и А. Биленштейн — источниковедческих исследований [10, S. 74, 168].

В 60-х гг. языковеды К. Анцитис и А. Янсон [11, с. 92–104] выказались насчет этнической атрибуции памятников раннего железного века восточной Латвии. Основываясь на характерной особенности се-лонских говоров левобережья Даугавы — восходящей интонации — эти исследователи приписывали селам также все памятники, расположенные в зоне говоров с такой интонацией, и на правобережье Даугавы. На эти же языковые данные опирался и Э. Штурмс.

Число исследованных курганов раннего железного века за последние годы мало возросло. Систематический учет этих памятников, особенно в богатом ими Екабпилсском р-не, показал, что не менее 45% памятников уничтожены кладочислательством, сельскохозяйственной деятельностью и пр. Они сильно повреждены также вкопанными в культурный слой курганов поздними захоронениями XVI–XVII вв.

Курганный погребальный обряд раннего железного века восточной Латвии следует за курганным обрядом предшествующего времени. В Гарсенес Берзкалны на пограничье с Литвой в последние годы исследован один из немногих известных сейчас курганов культуры штрихованной керамики. Курган в Гарсенес Берзкалны высотой 1,2 и в диаметре 20 м, по сведениям очевидцев, имел покрытие из камней, позже изъятых для строительства. Возможно, что ранее курган имел и венец из камней. Труположения были ориентированы головой на юго-восток. Основываясь на форме сосудов со штриховкой на поверхности, погребения отнесены к концу I тысячелетия до н. э.

Характерный тип кургана раннего железного века восточной Латвии представляет курган с каменным венцом у основания, высота которого не превышает 1 м. Существенная примета этих курганов — угольно-золистая прослойка в основании кургана, свидетельствующая о похоронном ритуале. Венец из камней и золистая прослойка характерны также для курганов этого периода восточной Литвы. И еще один признак объединяет курганы восточной Латвии и Литвы — они нередко сооружены на местах поселений с культурой штрихованной керамики (Мелдеришки, Кебены на территории Латвии, Паюостис, Пажарстис на территории Литвы и др.).

Если в Литве доминируют курганы 7–10 м в диаметре, то в Латвии их диаметр иногда достигает 20 м (Рагуланы). Отличия прослеживаются и по числу погребенных в кургане: для Литвы характерны захоронения 1–2 умерших, на территории Латвии преобладают коллективные усыпальницы. Наиболее древние погребения найдены в основании, последующие — выше, уже в насыпи кургана. На территории Латвии не обнаружены ранние захоронения в подкурганных ямах (как Таурапилс, Мигонис в Литве), а подкурганные ямы относятся к поздним впускным погребениям XVI–XVII вв., прорезавшим всю толщу насыпи кургана.

Для курганного обряда первой половины I тысячелетия н. э. характерна разнообразная, еще строго не установившаяся ориентация умерших по сторонам света. Если в восточной Литве доминирует западная ориентация умерших, то в Слате (Латвия) для мужских погребений преобладают западная и южная ориентации с разными отклонениями. В широко исследованном могильнике Боки ранние погребения ориентированы главным образом на северо-запад. Такой же ориентировки и центральное погребение главы патриархальной семьи в IV кургане, датированном III в. Все же, как показывает схожее, центральное погребение в Разбуки, здесь соблюдена четкая западно-восточная ориентация (рис. 1, 2). Такая же четкая (без отклонений) ориентация харак-

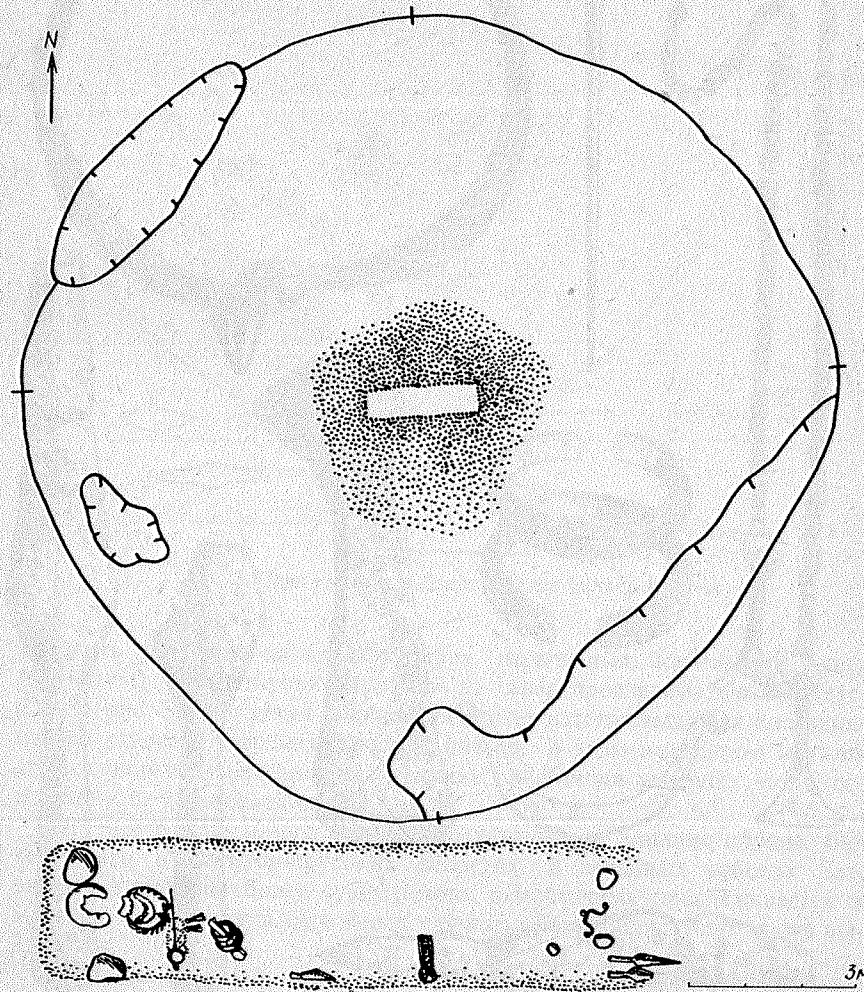

Рис. 1. План поврежденного могильного кургана III–IV вв. с сохранившимся центральным погребением в Разбуки Екабпилсского р-на

терна и для „княжеского” и некоторых других мужских погребений в курганном могильнике Таурапилис [12, раv. 5: 39] на территории Литвы (Утянский р-н).

Необходимо отметить, что наблюдаемая иногда в захоронениях VI в. ориентация погребенного головой на север могла определяться обычаем

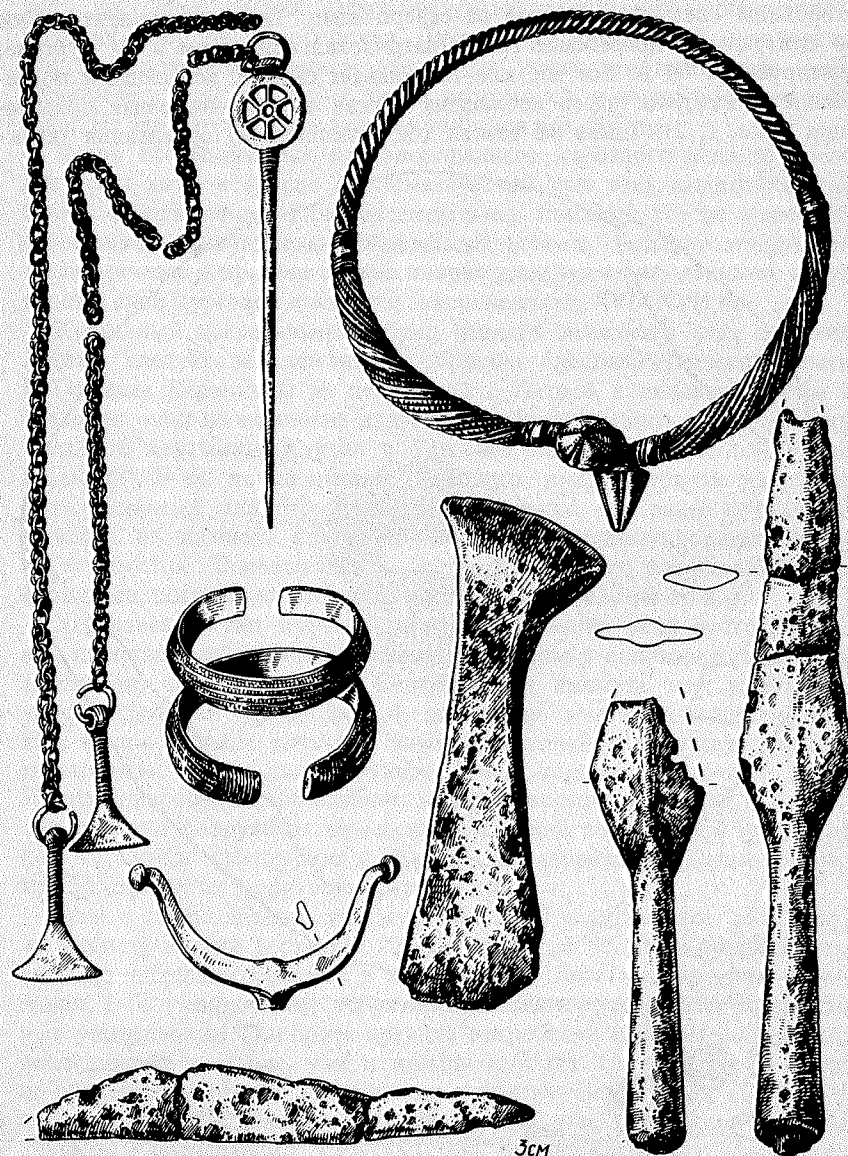

Рис. 2. Инвентарь погребения в Разбуки

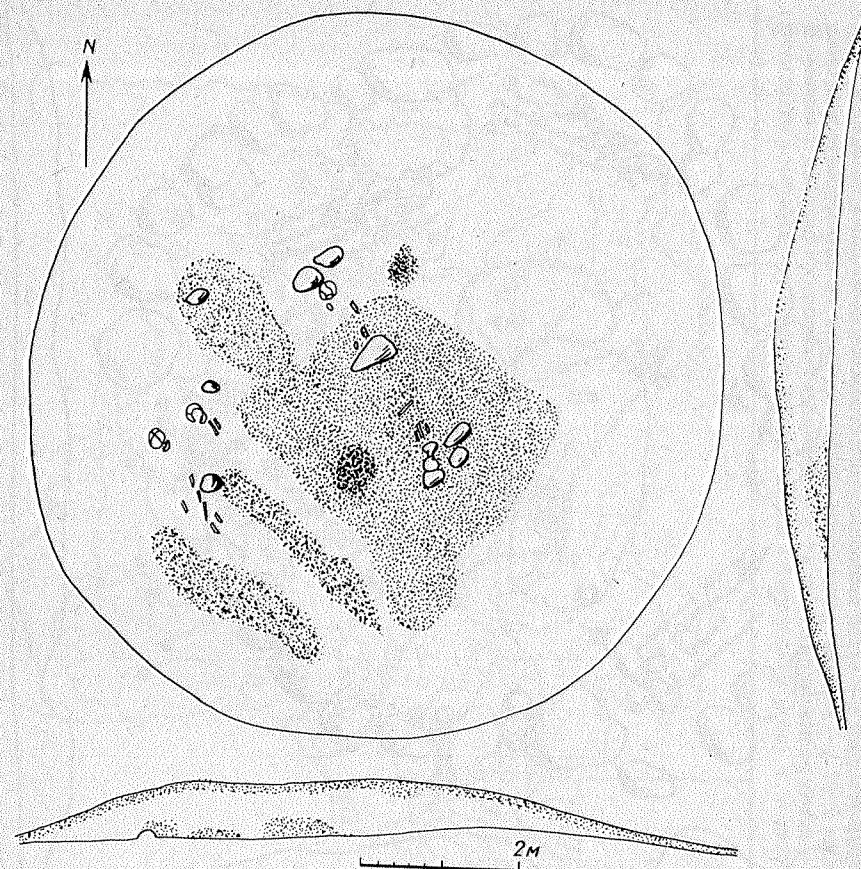

Рис. 3. План кургана в Дзилнакалнсе Балвского р-на

хоронить умерших на краю кургана, параллельно каменному венцу (Рагуланы). Ориентировка головой на север прослежена и в Дзилнакалнс (рис. 3), где такая ориентация может истолковываться как влияние со стороны соседних финских племен. В этом курганном могильнике констатирована противоположная ориентация умерших, но, к сожалению, не установлен их пол.

Для всего курганного ареала прослеживается влияние обряда, бытовавшего в восточнопрусских областях. В западных районах Латвии и Литвы оно более существенно, в восточных прослеживается в меньшей мере, хотя в отдельных случаях (Таурапилис) оно также выявляется.

Для ряда курганов восточной Латвии характерно превращение кургана в грунтовый могильник, иногда путем „расширения” кургана отодвиганием некоторых камней каменного венца (рис. 4). Наиболее

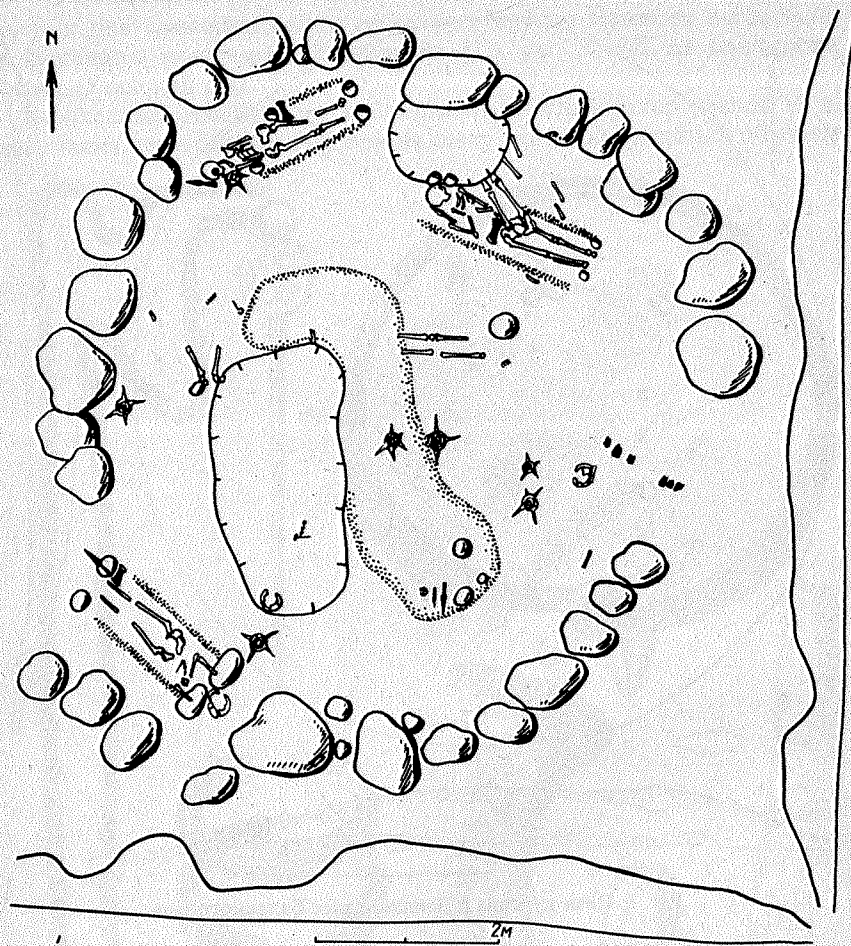

Рис. 4. План кургана в Савиена Мадонского р-на

показателен в этом отношении целиком исследованный курганный могильник в Боки Екабпилсского р-на (обширные раскопки Л. Ванкиной).

Сопоставляя выявленный лингвистами район распространения селонской восходящей интонации с ареалом курганов первой половины I тысячелетия н. э., следует отметить, что последний занимает более обширную территорию (рис. 5).

На левобережье Даугавы прослеживается большая скученность курганных могильников рассматриваемого периода. Появление в ареале штрихованной керамики на юге Латвии многочисленных памятников с центром в Селпилс-Виесите, по нашему мнению, нельзя объяснить иначе, как наплывом в III-IV вв. н. э. в среду местного населения новых

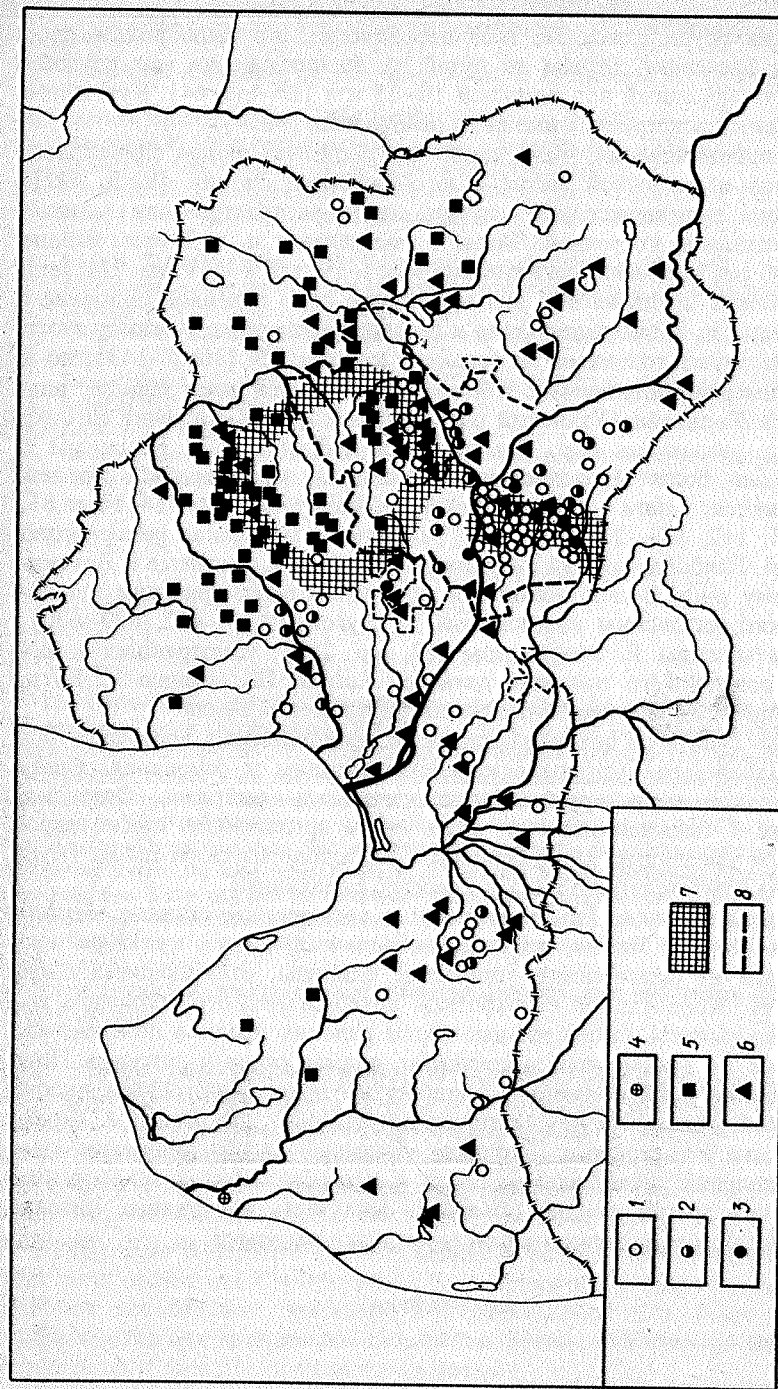

Рис. 5. Памятники первой половины I тысячелетия н. э. (по Я. Граудонису с дополнениями автора): 1 — курганы с находками III-IV вв.; 2 — III-VI вв.; 3 — III-XII вв.; 4 — конца I тысячелетия до н. э.; 5 — каменные могильники финских племен; 6 — случайные находки первой половины I тысячелетия н. э.; 7 — конуры Видземской возвышенности на правобережье Даугавы и Селонский геологический вал на левобережье Даугавы; 8 — район распространения селонской восходящей интонации

этнических групп с юга. По всей вероятности, это было родственное балтское население. Одним из путей их проникновения мог служить Селонский моренный вал шириной 10–15 км [13, lpp. 64]. Курганные могильники группируются именно в районе вала (рис. 5).

Путь проникновения этого населения обозначен рядом одинаковых топонимов в восточной Литве и юго-восточной Латвии [9, p. 492]. Косвенным подтверждением служит карта распространения могильных памятников восточной Литвы I тысячелетия н. э. В этом районе Литвы до сих пор мало могильников как I–IV, так и V–VI вв. [14, žem. 1, 2]. Можно предполагать, что проникшее сюда в первой половине I тысячелетия н. э. население было и селами и латгалами. В пользу этого свидетельствуют топонимы не только с корнем *Sel-* [15, p. 143], но и *Lat-*. Примером гидронима с корнем *Sel-* является река *Sėliupys*, впадающая в Швянтойи (Утянский р-н), а также маленькая речка того же названия, впадающая в р. Левене (Аникщайский р-н). Топонимы с корнем *Lat-* более многочисленны. Примером гидронимов с корнем *Lat-* являются: *Latava* – правый приток р. Швянтойи [9, p. 514; 16, p. 81, 102, 105, 112, 174, 212, 213, 254]; *Latupys* – маленькая речка около Аникшай. Наиболее южный гидроним – *Latežeris* – относится к Друскининкскому р-ну. В свое время эти гидронимы были признаны латышскими как литовским языковедом К. Бугой [9, p. 492, 629–630], так и латышским Я. Эндзелином [17, lpp. 266], усмотревших в них основу позднейшего названия латышей *Latviai*. По мнению К. Буги, латыши происходят из восточной части Вильнюсской земли.

Трудно судить об антропологическом типе населения восточной Латвии, оставившего курганы с каменным венцом у основания, ввиду очень плохой сохранности краниологического материала. Очевидно, население I тысячелетия н. э. здесь было представлено также европеоидным узколимым длинноголовым антропологическим типом (курган конца I тысячелетия до н. э. в Гарсенес Берзкалны).

В первой половине I тысячелетия н. э. весь ареал курганных могильников восточной Латвии по материальной и духовной культуре подразделялся на родственные этнические единицы, отличающиеся лишь в деталях. Кропотливой разработкой археологического материала необходимо выявить отличительные черты далеких предков позднейших, известных по письменным источникам, племен селов и латгалов. Подтверждением, подкрепляющим выдвинутые положения, служат детали бронзовых украшений и керамический материал. Языковед А. Брейдак (статья в настоящем сборнике) указывает на объединяющие языковые явления языка племен селов и латгалов. Пока с археологической точки зрения трудно объяснить живучесть восходящей интонации, относящейся к древнему пласту латышского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. – Riga, 1896.
2. Богоявленский С. К. Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях

летом 1896 г. – В кн.: Труды X археологического съезда в Риге 1896. М., 1900, т. 3.

3. Katalog der Ausstellung zur Konferenz baltischer Archäologen in Riga 1930. – Riga, 1930.
4. Latviešu kultūra senatnē. – Rīga, 1937.
5. Jakobsons F. Senlatviešu ienākšana Latvijā. – Senatnē. Rīga, 1929, Nr. 1.
6. Šturms Ed. Sēli. – Konversācijas vārdnīca IX, 38062–38665.
7. Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. – Tartu, 1938, Teil 2.
8. Моора Х. А. Археологические памятники I–IV вв. в Прибалтике. – КСИИМК, 1954, вып. 53.
9. Būga K. Rinktiniai raštai. – V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961, t. 3.
10. Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in Gegenwart und im 13. Jahrhundert. – SPb., 1892.
11. Анцитис К. Я., Янсон А. Я. Некоторые вопросы этнической истории древних селов. – СЭ, 1962, № 6.
12. Tautavičius A. Taurapilio „kunigaikščio“ kapas. – In: LA. V.: Moksas, 1981, t. 2.
13. Latvijas PSR geologija. – Rīga, 1961.
14. LAA. – V.: Moksas, 1977, t. 3.
15. Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. – V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1963.
16. Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. – V.: Mintis, 1970.
17. Endzelīns J. Latvijas PSR vietvārdi. – Rīga, 1961, t. 2.

ZUR FRAGE DER ETHNOGENESE DER LATGALEN

E. Schnore

Zusammenfassung

Die Gräberfunde und die gesamte materielle Kultur der Latgalen und der ihnen benachbarten Selen aus der ersten Hälfte des 1. Jt. u. Z. sind einander sehr ähnlich. Die Klärung der Ethnogenese der Latgalen bereitet deshalb manche Schwierigkeiten. Im vorliegenden Artikel wird der heutige Wissensstand auf diesem Gebiet beleuchtet und eine Arbeitshypothese vorgelegt, derzufolge die Häufung von Hügelgräbern mit Steinkreis aus dem 3. bis 4. Jahrhundert am linken Daugavaufer als ein Zeugnis dafür zu betrachten ist, dass hier neue, aus dem Süden kommende verwandte Bevölkerungsgruppen in Erscheinung traten. Ihr Weg führte vermutlich über die Selische Erhebung (den sogenannten Selischen Wall), um den die erwähnten Denkmäler gruppiert sind (s. Karte). Unserer Ansicht nach waren das möglicherweise die entferntesten Vorfahren der beiden, später aus schriftlichen Quellen bekannten Volksstämme dieses Gebiets – der Selen und der Latgalen.

Diese Hypothese wird durch eine Reihe von Hydronymen und andere sprachliche Belege bekräftigt.

КЕРАМИКА ДИГНАЙСКОГО ГОРОДИЩА И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ПАМЯТНИКОВ СЕЛОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНТАКТОВ С ПЛЕМЕНАМИ ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.—I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. И. Цимермане (Рига)

Территория Аугшземе, расположенная в юго-восточной Латвии (южная часть нынешних Стучкинского, Екабпилсского и Даугавпилсского районов левобережья Даугавы), в I тысячелетии н. э. была местом обитания балтского племени селов. Она граничит с Биржайским, Рокишским и Зарасайским районами Литвы.